

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Дударева Василия Сергеевича

«Отто фон Бисмарк и российское направление внешней политики Прусского королевства. 1851 – 1871 гг.», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история

Взаимоотношения Пруссии и России в годы объединения Германии – это тема уже, можно сказать, классическая, однако продолжающая вызывать к себе общественный интерес и сохраняющая научную актуальность. Последняя обосновывается автором тем, что предлагаемая диссертация представляет собой первое специальное обобщающее исследование на эту тему в отечественной и германской историографии.

Предметом исследования выступают ключевые события германской внешней политики и германо-российских отношений в 1851 – 1871 гг., а также российское направление дипломатической деятельности Отто фон Бисмарка, а его целью – создание целостной картины прусско-российских отношений в течение двух десятилетий накануне образования Германской империи. Эта цель реализуется в ряде исследовательских задач, таких как оценка взглядов Бисмарка, взглядов российского руководства на русско-германские отношения и др. Наиболее интересной и многообещающей мне показалась заявленная прямо в задачах исследования характеристика русской политики Бисмарка как «поворота на Восток».

Если верхняя хронологическая граница диссертации совершенно очевидна – 1871 г., то нижняя – 1851 г. нуждается в большем обосновании. Автор видит такое обоснование в том, что за год до указанной даты было подписано известное Ольмюцкое соглашение, с одной стороны, и в том, что в 1851 г. посланником при Союзном сейме во Франкфурте был назначен Отто фон Бисмарк. Не отрицая значимости указанных фактов самих по себе,

хотелось бы всё же видеть более чётко прочерченной связью между этими событиями внутригерманской истории и заявленной в диссертации проблематикой политики Пруссии в отношении России.

Первая глава диссертации отводится характеристике источников и анализу историографической ситуации. Несомненным достоинством работы является обширная источниковая база, основу которой составляют архивные материалы. Здесь я хотел бы обратить внимание на тот достойный всяческого уважения факт, что даже после выхода монографии, которая, как казалось бы, должна была бы знаменовать вершину исследовательского процесса, В.С.Дударев продолжал укреплять источниковую базу и, в частности, добавил к ней еще и материалы из АВПРИ, отсутствовавшие в книге.

Историографический раздел структурирован по проблемно-хронологическому принципу и состоит из нескольких блоков. Автор даёт действительно впечатляющее полотно общих и специальных работ по истории Германии и международных отношений, личности Бисмарка, отдельным сюжетам международной политики. Вместе с тем, следует сказать, что с выводом автора о том, что в германской историографии «российское направление рассматривалось как второстепенный аспект международной политики Бисмарка, международное направление, не имевшее для Берлина сколько-нибудь серьезного значения» (с. 96, с. 72) согласиться едва ли возможно. Дело даже далеко не столько в том, что в ней существует корпус работ, пусть и не самый обширный, прямо посвященных русской политике Бисмарка, а, скорее в том, что на протяжении очень многих десятилетий в немецкой историографии, тезис о центральном значении России для политики Бисмарка по объединению Германии, напротив, преобладал настолько, что позволил французской исследовательнице С.Бюрго охарактеризовать его в качестве «основополагающего мифа» процесса германского объединения.

Вокруг этого тезиса и ряда других проблем идёт научная дискуссия, которая, как мне кажется, в гораздо большей степени способна объяснить

научную актуальность диссертации, чем указание автора на собственное первенство в том, что касается обобщающего и специального характера его труда, тем более учитывая наличие книг Э.Фляйшхауэра и особенно С.Бюрго, вполне подпадающих под подобные характеристики. В последнем случае я вновь с положительной стороны должен отметить тот факт, что даже после публикации монографии диссертант не закрыл для себя сюжет, а продолжил работу над ним, иначе в историографическом корпусе имелся бы весьма серьезный пробел. В целом, перед нами исследование, ценность которого не исчерпывается обобщающим характером и полнотой картины. Пожалуй, нет ни одного параграфа диссертации, в котором Василий Сергеевич не вступал бы в полемику с зарубежными или отечественными учеными, и именно это постоянное стремление продемонстрировать собственное видение и есть, на мой взгляд, подлинный историографический *raison d'être* настоящей диссертации.

Заявленная в работе методология характеризует автора как приверженца классических подходов и одновременно позволяет предугадать и сам характер исследования - диссертация выдержана в строго традиционном политико-дипломатическом ключе, определенным выходом за пределы которого служит лишь использование четырех газет (по две с каждой стороны), несомненно, добавляющих яркости и рельефности изображению, но, конечно, не достаточных для того, чтобы делать на их основании обобщения о состоянии общественного мнения, как это нередко происходит на страницах диссертации. Исследование взаимодействия внешней политики и общественного мнения в духе известной монографии С.В.Оболенской было бы и невозможно для столь продолжительного промежутка времени, однако изучение роли прессы как внешнеполитического инструмента, на мой взгляд, обогатило бы работу весьма интересным аспектом. Впрочем, только автор вправе избирать методические основания и тематические аспекты своей работы.

Вторая глава диссертации посвящена периоду 1851-1862 годов. Само это расширение вниз хронологических рамок представляется интересным ходом автора, поскольку традиционно исследования русской политики Бисмарка начинают с его петербургского периода, т.е. с 1859 г. Тем самым Василий Сергеевич добивается двойного результата – с одной стороны, знакомя читателя с Бисмарком практически на заре его политической карьеры, он оказывается в состоянии показать эволюцию его взглядов на Россию, с другой – анализируя традиции прусской внешней политики в 50-е гг., он тем самым закладывает основы для доказательства того «поворота на Восток», который был заявлен в постановочной части диссертации. Автор точными мазками, где-то даже красочно, изображает ситуацию Пруссии после так называемого «ольмюцкого унижения», хотя, конечно, с высказыванием о том, что Пруссия лишь номинально сохранила статус великой державы (с. 142) согласиться крайне сложно, поскольку статус этот основывался далеко не только на ее положении в Германском союзе. В.С.Дударев совершенно справедливо указывает на то, что нежелание быть втянутым в конфликт с Россией диктовалось не неким «русофильством» Бисмарка, а исключительно рациональным расчетом – не дать использовать Пруссию как инструмент австрийских интересов, не допустить чрезмерного ослабления России из-за перспективы возникновения польского вопроса. В целом, глава, на хронологию которой приходится много важных внешнеполитических событий, включая Крымскую и австро-франко-сардинскую войны, написана весьма подробно и основательно, в ходе изложения Василий Сергеевич неоднократно вступает в дискуссию с современными российскими историками, в частности, по вопросам оценки внешнеполитических взглядов кронпринца Вильгельма (С. 162), перспектив заключения Пруссией союза с Францией (С. 242) и др.

Основная проблема главы – это проблема выбора Берлином внешнеполитического курса. В.С.Дударев всячески подчеркивает рано заявившую о себе ориентацию Бисмарка на Россию, во внутренней политике

противопоставляя её как английским предпочтениям либералов, так и австрийским симпатиям консерваторов, собственно же внешнеполитический курс Пруссии в 50-е гг. он характеризует как «ориентированный на сотрудничество с западными державами» (С. 241). На мой взгляд, это гораздо более взвешенная характеристика по сравнению с прозвучавшим в положениях, выносимых на защиту, «следованием в фарватере великих держав». Однако в целом я хотел бы посоветовать автору придерживаться еще более дифференцированных формулировок, причём в обоих отношениях. Всё же, при некоторых разногласиях в оценках текущей ситуации, взгляды консервативной группировки вокруг Леопольда фон Герлаха совершенно не случайно в исследованиях традиционно обозначают как русофильские, и в этой среде в качестве союзника рассматривали далеко не только Австрию, но и Россию. С другой стороны, хотел бы отметить, что 50-е гг. – это очень длинное и насыщенное десятилетие. В его начале, в эпоху Ольмюца и восстановивших Германский союз Дрезденских конференций, о сколько-нибудь значимом, тем более сравнимом с весом России, влиянии западных держав говорить не приходится. В Крымскую войну, как это, собственно, хорошо показано в самой диссертации, главным для Пруссии было сохранение нейтралитета, а не ориентация на западные державы, как таковая. Даже австро-пруссский союз 20 апреля 1854 г., который предусматривал прямую военную поддержку Пруссией Австрии против России в Дунайских княжествах и таким образом внешне выглядел как переход Берлина в лагерь западных держав, в действительности таковым не являлся. Важной причиной подписания этого договора стали опасения изоляции, в которой могла оказаться Пруссия в результате отказа подписать согласованную в феврале 1854 г. конвенцию 4 держав с требованиями к России, т.е. как раз отказа от перехода в лагерь западных держав, в то время как основная цель союза с Австрией, как это убедительно показал, в частности, Винфрид Баумгарт, ведущий немецкий специалист по Крымской войне, заключалась в удержании Австрии от вступления в неё, чего так

добивались западные державы. В целом, если и имел место тот «поворот на Восток», о котором много говорится в диссертации, то он осуществлялся не из положения некоего «поворота на Запад».

Третья глава посвящена русско-прусским отношениям в связи с польским вопросом. Центральное событие, которому закономерно в диссертации уделяется много места и внимания, – это знаменитая миссия Альвенслебена в феврале 1863 г., причём вопреки практически единодушному мнению отечественной и зарубежной историографии диссертант считает, что инициатива миссии Альвенслебена исходила не от немецкой, а от российской стороны и, соответственно, не стала для последней неожиданностью. Полемика, в частности, ведётся и против автора этих строк.

Следует отметить, что исходным моментом миссии было желание прусских военных согласовать с русскими коллегами военно-технические вопросы борьбы с польским восстанием, причем пунктом ее назначения была Варшава. И именно Бисмарк превратил рабочую поездку прусского генерала в настоящую миссию, продлив ее до Петербурга и придав ей политическое содержание. В обоснование тезиса о будто бы исходящем от России побуждении Пруссии к миссии Альвенслебена Василий Сергеевич ссылается на две беседы – Александра II с прусским посланником Редерном 30 января и беседу с Бисмарком и королем Вильгельмом русского посланника Убри 24 января, в ходе которой тот выразил надежду на сохранение крепких отношений с Берлином, а накануне передал Бисмарку телеграмму с просьбой принять меры в приграничных районах Пруссии. Но выводить из заверений в антипольской солидарности и просьбы приграничных мер инициативу к заключению политического соглашения, прогремевшего на всю Европу и способствовавшего интернационализации польского вопроса – это, на мой взгляд, явная свехинтерпретация. Что же касается беседы Александра II с Редерном, то приведение ее в качестве аргумента в пользу будто бы инициативы миссии Альвенслебена с русской стороны и вовсе вызывает

недоумение, поскольку поводом к беседе стал запрос Бисмарка о возможности такой миссии.

Оценивая непосредственное значение конвенции, Василий Сергеевич, к сожалению, сохраняет свою прежнюю оценку, данную еще в монографии – что та «потеряла всякое практическое значение». Между тем в моих недавних работах удалось показать, что её политическая часть во многом сохраняла свою действенность, в частности, предназначенные для политической координации действий прусский и русский агенты оставались на своих местах вплоть до рубежа 1863-64 гг. и, как показывают документы ГАРФ, донесения из Пруссии русского агента использовались для борьбы с восстанием по эту сторону границы. Как мне представляется, это создает новую исследовательскую ситуацию, когда должны быть либо опровергнуты приведенные мною факты, либо модифицирована указанная оценка. Характеристика же значения конвенции Альвенслебена в более широкой перспективе дальнейших русско-прусских отношений представляется несколько более взвешенной. В историографии представлена вся палитра мнений, от объявления её совершенно ничтожной до придания ей значения едва ли не карт-бланша благодарности, выданного Россией на весь период объединительных войн. Василий Сергеевич старается сохранить баланс между этими полюсами, несколько склоняясь, как мне показалось, больше в сторону «благодарности»: «Теперь за свою проявленную на деле искренность Бисмарк мог справедливо рассчитывать на ответный шаг со стороны России, который потребовался Пруссии уже в самом скором времени в датском вопросе» (С. 376).

Именно датский вопрос оказывается в центре внимания четвертой главы. Верный своему обстоятельному подходу, автор начинает с предыстории, а именно с XV в., пытаясь разобраться в чрезвычайно запутанных правовых и династических хитросплетениях. Нередко Василию Сергеевичу удаются характеристики не только меткие, но и свидетельствующие о прекрасном владении пером. Например, на с. 352 он пишет, что «позицию России в этом

регионе в это время можно было бы характеризовать как позицию заинтересованного активного нейтралитета. Заинтересованного – поскольку этот европейский регион представлял для Российской империи важное стратегическое значение... Активного – поскольку Россия с конца XVIII в. была активной участницей всех основных международных событий в этом регионе, не отказывалась она от этой роли и сейчас. И, наконец, нейтралитета – поскольку в Петербурге осознавали, что активное вступление России в решение датского вопроса приведет к эскалации конфликта».

Характер русского нейтралитета – это и есть ядро главы в проблемном отношении. Среди эпитетов, здесь его характеризовавших, не хватает одного – благожелательный. На самом деле как раз в его отсутствии либо присутствии и заключалась вся интрига, будет ли автор в этом вопросе двигаться в русле традиционного подхода, в духе «мифа основания» и русской благодарности за прусскую помощь, либо в духе ревизии этого подхода. На с. 417 интрига, что называется, умерла: «Во многом вследствие оказанной России поддержки в польском вопросе Пруссия обеспечила себе нейтральную и даже относительно благожелательную позицию Петербурга в вопросе о спорных герцогствах», - пишет автор. Т.е. налицо, пусть и в несколько смягченной форме, традиционная увязка позиции России с «благодарностью» за поддержку в польском вопросе.

Однако в случае с австро-пруско-итальянской войной 1866 г., рассмотренной в пятой главе диссертации, общая оценка автора становится более дифференцированной, хотя первоначально аргументация вроде бы выглядит подводящей к традиционному выводу о «доброжелательном нейтралитете» России. Так, Василий Сергеевич последовательно следует двум линиям. Говоря о предыстории войны, он стремится показать Австрию не менее, так сказать, «виноватой», указывая и на ее вооружения, и на внутривосточную необходимость во «втором Ольмюце» и приводя цитату из русской газеты о том, что наносящий удары первым виновен менее, чем наносящий первые оскорбления, истолковывая это как виновность Австрии.

Но гораздо важнее вторая линия, которая трактует позицию России как условие прусской победы: «Благодаря занятой Петербургом позиции Берлин мог сосредоточиться на вооруженной борьбе лишь на немецких театрах боевых действий» (с. 470). О реакции в России на поражение Австрии под Садовой/Кёниггрецем сказано лишь то, что Александр II поздравил Вильгельма I с блестящей победой прусского оружия, хотя, возможно стоило бы показать всю неоднозначность реакции внутри России, ведь в действительности и сам император, и российское руководство были скорее неприятно поражены стремительностью и безусловностью прусской победы, чему сохранились многие свидетельства, в том числе в дневнике великого князя Константина.

Однако, проводя эту вторую линию и показывая русскую политику в годы австро-прусской войны как скорее благоприятную для Пруссии, до утверждения о благожелательном для Пруссии нейтралитете России автор, надо отдать ему должное, не доходит. Более того, в выводах по главе появляется допущение, что от России можно было бы ожидать активного сопротивления Пруссии – иными словами, из этого можно понять, что в реальности имело место сопротивление пассивное. Тем фактором, который помешал России это сделать, автор считает Австрию – именно комплекс противоречий с ней помешал Петербургу действовать активнее, к тому же Россия будто бы десять лет ждала реванша (в монографии и вовсе говорится о «наказании за неблагодарность») за Крымскую войну (с. 520, 433).

В качестве безусловно положительного момента диссертации хотел бы отметить, что автор не поддался соблазну перескочить, как это часто делается, от войны 1866 г. сразу к франко-германской войне 1870-1871 гг., показав этот период как крайне важный с точки зрения дальнейшего развития русско-прусской связи, в том числе за счет возрастания важности этого партнерства на фоне роста напряженности в Европе. Главная проблематика шестой главы, в центре внимания которой находится этот внешне спокойный, мирный период 1867-1870 гг., точно отражается в таких

названиях параграфов, как «Прусско-российские отношения в условиях международных кризисов» и «Проверка на прочность прусско-российских отношений». Действительно, почти все четыре года до франко-германской войны прошли в опасной обстановке сочетания кризисов на западе и на востоке, что было чревато большим европейским взрывом и побуждало отдельные страны укреплять свои внешнеполитические опоры. Заявляя, что «на фоне прусско-российского единства франко-австрийский альянс демонстрировал свою разобщенность» (с. 635), В.С.Дударев в целом верно отражает укреплявшуюся русско-прусскую связь, однако, как представляется, несколько недооценивает австро-французскую.

Заключительная глава диссертации посвящена франко-германская войне 1870-1871 гг. В ней В.С.Дударев демонстрирует свободное владение материалом этого исключительно насыщенного исторического отрезка, в котором переплелись военно-политические, дипломатические, национальные аспекты, критически остро заявили о себе германский и восточный вопросы, столкнулись интересы великих держав. Детально исследуются происхождение кризиса вокруг кандидатуры Гогенцоллерна, история знаменитой Эмской депеши, в отношении которой делается справедливое замечание о недопустимости ее трактовки как фальсификации, и множество других аспектов. Исходя из проблематики диссертации, центральное место среди них, разумеется, занимают взаимоотношения с Россией. Это и переговоры в самом начале войны, и попытки Петербурга интернационализировать обсуждение ее результатов, и, наконец, вся проблематика вокруг знаменитой инициативы России по частичной ревизии Парижского трактата 1856 г. Принципиально важное значение имеет общая оценка позиции России в ходе войны. Надо сказать, что на протяжении всей диссертации ощущается, что в целом Василий Сергеевич склонен весьма оптимистично оценивать гармонию и общность внешнеполитических интересов России и Пруссии. Тем ценнее беспристрастный, вытекающий сугубо из анализа документов финальный вывод заключительной главы о

том, что русскую политику в ходе франко-германской войны всё же нельзя однозначно оценивать как «благожелательный нейтралитет» (с. 737).

Подобное же, я бы сказал, сдержанно-оптимистичное видение русско-прусских отношений содержится и в Заключении, не только подводящем итог исследованию, но и указывающем на некоторые дальнейшие перспективы русско-германских отношений и особенно на потенциал роста их конфликтности в будущем.

В целом, мы имеем дело с очень обширным, подробным, самостоятельным, основанным главным образом на архивных материалах добросовестным исследованием, которое, невзирая на прозвучавшую критику и дискуссионность ряда положений, позволяет присудить его автору степень доктора исторических наук.

Диссертационное исследование соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор В.С.Дударев заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Медяков Александр Сергеевич,
Доктор исторических наук,
Доцент исторического факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова

10.01.2023 г.

ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
исторический факультет.
119992 Москва, МГУ, Ломоносовский проспект, дом 27, кор. 4.
Тел (495) 9393288
aleksandr.medyakov@yandex.ru

